

ЮРИЙ ВЕРХОЛИН

ПОГЛАДЬ МЕНЯ —
Я ЗНАЮ,
КТО НАСТОЯЩИЙ

Юрий Верхолин

Погладь меня — я знаю, кто настоящий

<https://litres.ru/74523259>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что будет, если электронная система решит, что знает вашу жизнь лучше вас?

Александра Николаевна живёт в тихом Павловском Посаде, ухаживает за садом, читает книги и привыкает к необычному подарку семьи — ИИ-коту Степанычу. Пока он осваивает домашний быт, учится понимать хозяйку и не пугать соседских кур, в цифровом мире появляется другая Александра.

У неё то же имя, те же данные — но чужие аккаунты, публикации, связи и поступки. Постепенно система начинает доверять цифровому двойнику больше, чем настоящему человеку. И однажды ошибка превращается в обвинение, а к дому Александры приезжают за ней.

Теперь Степанычу предстоит найти того, кто живёт под именем его хозяйки, и остановить цифровую копию раньше, чем она окончательно займёт её место.

Социально-фантастическая новелла о цифровой подмене, бездушной бюрократии и ИИ-коте, который точно знает, кто настоящий.

Содержание

Часть I. Александра, Степаныч и медведь

5

Конец ознакомительного фрагмента.

21

Погладь меня — я знаю, кто настоящий

Часть I. Александра, Степаныч и медведь

Утро на улице Ленина начиналось не с машин. Сначала за высоким соседским забором кашлял петух, хотя петуха там

не держали уже года два — этот хриплый звук исправно выдавал старый будильник у Любы; потом у автобусной остановки, в двух кварталах от частных домов, вздыхал первый автобус, и лишь после этого по асфальту тянулись легковые машины — к магазинам, к учреждениям, в сторону центра Павловского Посада.

Александра Николаевна Воронцова отдернула занавеску и посмотрела не на дорогу, а на небо над сараем. Облака шли низко, но ровно, без тёмной кромки — значит, если дождь и соберётся, то не раньше обеда. На стекле снаружи держались две прозрачные капли ночной влаги; в теплице мутно блестела плёнка, яблоня у забора держала ветви неподвижно, а на крыше курятника уже топталась сорока.

— Иди отсюда, — сказала Александра через стекло.

Сорока не послушалась, но Александра и не стала настаивать. Она собрала волосы, провела ладонями по вискам, проверяя, не выбилась ли седая прядь, накинула лёгкую куртку и вышла во двор.

От калитки до крыльца лежала узкая дорожка из плитки; справа, за аккуратными грядками, стояла теплица, слева росли две яблони и старая сирень, которую Александра каждый год собиралась «вот теперь уж точно как следует обрезать». За домом теснились сарай и курятник. Если смотреть с улицы, её участок ничем особенно не выделялся: высокий забор, крыша, ветки. Но внутри у каждой лейки, тяпки и доски было своё место, и если вещь пропадала, Александра

сначала сердилась на себя, а потом почти всегда находила её там, куда сама же велела поставить.

Куры слышали щеколду и зашуршали подстилкой.

— Ну что, дамы, завтракать будем?

Рыжая Петровна сунула голову к дверце первой; за ней протиснулась белая, самая бесцеремонная, которой Александра так и не дала имени — менять его пришлось бы каждую неделю, потому что характер у курицы был сегодня один, завтра другой. Чёрная Аглая держалась сзади и ждала, пока корм упадёт на землю: достоинство не позволяло толкаться.

— Петровна, не лезь в ведро. Я тебя знаю.

Петровна посмотрела одним круглым глазом и всё-таки попыталась. Александра прикрыла ведро локтем, рассыпала зерно и проверила воду. Потом заглянула в теплицу: там было тепло и влажно, пахло землёй, томатной ботвой и деревянными рейками. Один лист у крайнего помидора завернулся; Александра расправила его пальцами, осмотрела снизу, заметила мелкую светлую точку и решила после завтрака развести средство от вредителей.

Только вернувшись в дом, она вспомнила о телефоне. Он лежал там, где и должен был лежать, — на узкой полке у розетки в гостиной, за ночь зарядился до ста процентов и теперь показывал два сообщения от Маши, прогноз с дождём после трёх и рекламу новых окон, хотя окна Александра поменяла четыре года назад.

Из кухни было слышно, как город окончательно просыпается: за забором прошла женщина с собакой, поздоровалась с кем-то на противоположной стороне; на перекрёстке коротко просигналили — там по утрам не могли разойтись те, кто спешил к центру, и те, кто выезжал из частного сектора. До ближайшего магазина Александра доходила за семь минут, до автобусной остановки — за пять, а если идти в другую сторону, через несколько домов уже начинались участки, где держали коз, и асфальт уступал место утрамбованной обочине. Ей нравилось, что Павловский Посад не заставлял выбирать между городом и почти деревней: можно было утром спорить с курицей, днём зайти в банк и библиотеку, а вечером услышать, как в соседнем огороде роняют железное ведро и ругаются на весь квартал.

Дом Александра знала не по комнатам, а по звукам: половица у спальни отзывалась сухим щелчком, холодильник перед отключением вздыхал, ветер с востока трогал лист железа на сарае, и тот коротко постукивал, пока Александра не подкладывала кусок резины. Чужой человек услышал бы старый дом; она слышала порядок и сразу замечала, если в нём появлялось что-то лишнее.

— Опоздали, — сообщила она рекламе и убрала телефон обратно.

Чайник уже шумел. Пока он закипал, Александра открыла бумажный блокнот на кухонном столе — в нём вперемешку жили хозяйство, люди и время: «средство для томатов»,

«Любе вернуть банку», «позвонить в библиотеку», «в субботу Маша». Сделанное она зачёркивала одной прямой линией, так, чтобы запись оставалась видна. Сегодня наверху стояло: «не забыть купить сливки к торту». Александра подчеркнула дважды, потому что вчера уже один раз не забыла и всё равно прошла мимо магазина.

Компьютера у неё не было и не требовалось: всё, что ей было нужно от цифрового мира, помещалось в смартфоне — банк, расписание электричек, сообщения от детей, фотографии внучек и библиотека. В центральную библиотеку она прежде ходила почти каждую неделю; ей нравился запах сухой бумаги, длинные стеллажи и момент, когда библиотекарь, уже знавшая её вкус, говорила: «Александра Николаевна, я вам кое-что отложила». Теперь дети настроили её электронную библиотеку, и оказалось, что ждать нужную книгу вовсе не обязательно: можно купить её вечером, устроиться в любимом кресле под торшером и читать, пока глаза не попросят очки снять.

Удобство Александра ценила без предрассудков, но хорошие строки всё равно выписывала ручкой в толстую тетрадь. На прошлой неделе младшая внучка спросила, зачем переписывать цифровой текст на бумагу, если можно поставить закладку.

— Чтобы помнить, — ответила Александра.

Закладки копились где-то внутри приложения; записанные от руки фразы оставались у неё — вместе с нажимом,

кляксой, иногда с чайным кругом на полях.

Она налила чай, открыла книгу и увидела над обложкой старое приветствие сервиса: «Александр, рекомендуем продолжить чтение».

— Опять последнюю букву потеряли.

В прошлый раз было: «Александр, спасибо за регистрацию». Тогда она решила исправить имя, не нашла сразу нужного раздела и забыла. Книга открылась на вчерашней странице, имя исчезло, и Александра тоже больше о нём не думала.

Телефон зазвонил, когда Александра допивала вторую чашку. Она посмотрела на экран и ответила.

— Мам, ты не занята? — спросила Маша.

Александра покосилась на чашку.

— Ужасно. Сiju и пью чай.

Маша пропустила шутку — верный признак, что у неё в голове уже выстроился список вопросов.

— Как ты себя чувствуешь?

— Как вчера, — ответила Александра и поставила чашку на блюдце.

— Это как? — переспросила дочь.

— На шестьдесят четыре года и триста шестьдесят четыре дня.

В трубке повисла короткая пауза.

— Мам.

Александра усмехнулась и поднялась из-за стола.

— Хорошо чувствую. Что случилось, дочка?

Ничего не случилось. В том-то и была особенность Маши: она умела тревожиться заранее, чтобы любое происшествие встретить подготовленной. Она спросила про давление, про воду, про газ, про продукты к завтрашнему столу и про лампочку над крыльцом; Александра успела вымыть чашку, вытереть стол и переставить сливочник, пока дочь выясняла, есть ли у неё всё необходимое.

— Маш, я не стеклянная.

— Я знаю.

— По вопросам незаметно.

— Просто завтра мы приедем не с утра, а ближе к двенадцати. Ты, пожалуйста, ничего тяжёлого не таскай.

— Я как раз собиралась заняться делами в теплице, но раз ты просишь...

Маша наконец рассмеялась.

— И в магазин сама не ходи, мы всё привезём.

— Сливки вы привезёте?

— Какие сливки?

Александра посмотрела на дважды подчёркнутую запись.

— Уже никакие. Куплю сама.

Едва она положила телефон на полку, за калиткой загремела щеколда.

— Шура, ты слышала? — Люба появилась во дворе, ещё не успев договорить. На ней был цветастый халат под расстёгнутой ветровкой, в одной руке — пустая банка, в другой

— связка ключей. — У нас опять воду отключат.

— Когда?

— В четверг. Или во вторник. На объявлении написано — в четверг, а Светка говорит, что воду отключат во вторник.

— Сегодня какой день?

Люба остановилась.

— Понедельник.

— Значит, к вечеру узнаем, отключат ли воду во вторник.

— Ты смеёшься, а я ванну наберу.

Она вернула банку, успела сообщить, что автобус номер семь теперь якобы будет ходить через раз, что у аптечного киоска меняют вывеску и что сосед через улицу купил новую машину, «хотя старая ещё вполне ездил». Александра слушала, прислонившись к косяку: Люба никогда не заходила без новости и никогда не уходила только с одной.

— Завтра у тебя гости? — спросила она уже у калитки.

— Семья приедет.

— Я не помешаю. Послезавтра зайду, всё расскажешь.

— Что именно?

— Что подарили.

Люба ушла, удовлетворённая тем, что завтрашняя новость уже обеспечена.

Остаток дня Александра готовилась без суеты: купила сливки, выбрала на рынке зелень, дома переставила кресло на полметра, чтобы за столом всем хватило места. Стол раздвинулся не сразу — одна направляющая заела, и пришлось

опуститься на колено, провести пальцем по пазу и вытащить засохшую крошку. Её дочь Маша на её месте уже позвала бы своего мужа Андрея; Александра протёрла направляющую, сдвинула половины и удовлетворённо хлопнула ладонью по столешнице.

Из шкафа она достала парадную скатерть, но, развернув, обнаружила у края маленькое пятно. Можно было положить тарелку сверху и забыть; вместо этого Александра замочила угол, пока нарезала овощи, потом застирала и вывесила на солнце. К вечеру скатерть высохла. В блокноте она зачеркнула сливки, зелень и торт, хотя торт везла Маша: сделанным считалось не то, что сделала сама Александра, а то, что больше не требовало внимания.

Перед сном она прошла по комнатам: в гостевой лежали чистые полотенца на случай, если девочки решат остаться; на кухне остывала выпечка; телефон стоял на зарядке. Александра посмотрела на своё отражение в тёмном окне и вдруг подумала не о возрасте, а о том, что завтра в доме опять будут говорить все сразу. Эта мысль ей понравилась.

На следующий день машина Машиного мужа затормозила у ворот без четверти двенадцать. Александра услышала сначала хлопок дверцы, потом две внучки заговорили одновременно, а уже после — короткий гудок. Она открыла калитку; старшая Лера несла коробку с тортом обеими руками и шла осторожно, зато младшая Соня протиснулась мимо неё с букетом и чуть не задела цветами забор.

— Бабушка, с днём рождения! Тут розы, только одна помялась в машине, но это не я.

— Это была ты, — сказала Лера, не поднимая глаз от торта.

— Я просто сидела рядом.

Маша обняла мать, отступила и сразу оглядела её с головы до ног, будто звонка накануне было недостаточно.

— Красиво выглядишь.

— А ты удивлена?

— Нисколько.

Александра надела тёмно-синее платье, тонкие серьги и успела подкрасить губы перед самым приездом. Шестьдесят пять казались ей возрастом достаточно серьёзным, чтобы не оправдываться за удовольствие хорошо выглядеть.

Зять Андрей вытащил из багажника пакеты, потом большую прямоугольную упаковку в плотной серебристой бумаге.

— Осторожно, — сказала Маша.

— Я уже понял по тому, как вы втроём следили, чтобы я её не наклонил.

— А что там? — Александра придержала калитку.

— Не скажем. — Соня пошла задом, не сводя глаз с коробки. — Но это не пылесос.

— Соня!

— Я только сказала, что не пылесос.

Дом за несколько минут наполнился куртками на вешал-

ке, обувью у порога, пакетами на кухне и голосами из трёх комнат. Лера спасала торт от Сони, Соня искала вазу, Андрей спрашивал, куда поставить коробку, Маша открывала холодильник и обнаруживала там всё, что сама собиралась привезти. Александра направляла движение короткими командами и ловила себя на том, что улыбается даже тогда, когда кто-то третий раз открывает не тот шкаф.

Соня всё-таки нашла вазу, но налила в неё столько воды, что при переноске расплескала дорожку от кухни до гостиной. Лера молча пошла за тряпкой. Андрей пытался поставить пакеты так, чтобы они никому не мешали, и каждый раз оказывался на проходе. Маша достала из сумки контейнер с салатом, увидела два блюда на столе и спросила:

— Мам, ты же обещала ничего не готовить.

— Я ничего тяжёлого не таскала. Готовила сидя.

— Ты умеешь выполнить слова так, чтобы нарушить смысл.

— Семейный талант. Ты его унаследовала.

Пока Маша раскладывала еду, Александра заметила, как дочь мельком осмотрела лампочку над мойкой, проверила, плотно ли закрывается кран, и задержала взгляд на коробке с лекарствами. Не полезла — вспомнила вчерашнее или просто не успела. Александра сделала вид, что ничего не видит, и попросила отнести хлеб на стол. Забота Маши иногда входила в дом раньше самой Маши и принималась переставлять вещи. Сердиться на неё было трудно: слишком ясно было, из

чего эта забота сделана.

За столом Андрей разлил взрослым вино, девочкам — морс. Маша произнесла тост без больших слов: чтобы у матери хватало здоровья на всё, что она ещё придумает, а у семьи — времени приезжать не только по праздникам. Соня пожелала бабушке «никогда не становиться очень взрослой», Лера толкнула сестру локтем, и Александра сказала, что это лучшее пожелание за столом.

Подарки закончились шарфом, книгой и новым секатором, который Александра немедленно проверила на щелчок. Большая упаковка всё это время стояла в гостиной у стены.

— Теперь главное, — объявила Маша.

Андрей перенёс коробку на середину комнаты. Серебристая бумага была сложена так аккуратно, что Александре стало жалко её рвать. Она сняла ленту, подцепила скотч ногтем и освободила тёмную фирменную коробку с почти незаметной надписью на крышке.

— Что вы опять придумали?

— Открывай. — Соня уже сидела на корточках рядом.

Крышка оказалась тяжёлой; Андрей помог приподнять её. Внутри, в углублении чёрного материала, лежал кот — большой, натурального размера, графитово-серый. Он свернулся клубком, спрятал нос у задней лапы и закрыл глаза. Шерсть на боку казалась мягкой и живой; отдельные волоски поблёскивали в полумраке коробки. Александра замерла, держа ладонь на крышке.

— Вы живого кота в коробке привезли?

Соня прыснула.

— Я тоже сначала подумала, что живой, — сказала Лера и первой осторожно дотронулась до шерсти. — Смотри, как настоящий.

— Он роботизированный. — Маша присела с другой стороны. — Домашний компаньон. Следит за состоянием хозяина, может вызвать помощь, если что-то случится, охраняет дом. Работает со смартфоном.

— Если что случится, я сначала позвоню тебе.

— Если сможешь, позвонишь. А если не сможешь — он.

Андрей достал из бокового отделения толстую инструкцию, короткий поводок и небольшой пульт; посередине пульта горела зелёная надпись POWER.

— Вот, — сказал он. — Самая понятная часть инструкции.

Кота вдвоём вынули из коробки и положили на ковёр. Тело чуть поддалось под руками, но весило больше, чем ожидала Александра. Соня устроилась совсем близко; Лера оттянула её за плечо.

— Дай ему включиться.

— Он не взорвётся.

— Ты не знаешь.

Маша протянула матери пульт.

— Нажимай.

Александра большим пальцем утопила зелёную кнопку.

Несколько секунд ничего не происходило; потом по кошачьему боку прошла лёгкая дрожь, словно под шерстью напряглись мышцы, передняя лапа сдвинулась на ширину пальца, и кот поднял мохнатую голову.

Глаза у него были яркими, изумрудными, с узкими вертикальными зрачками; в них на мгновение отразились окно, лица и белый потолок. Кот моргнул, упёрся передними лапами в ковёр и поднялся. Его спина медленно прогнулась, задние лапы распрямились; он потянулся так убедительно, что Александра почти услышала бы кошачий вздох, если бы в комнате не стало совсем тихо. Затем он выгнул спину дугой, опустил её, встряхнул головой и спокойно сел на задние лапы.

Сначала кот посмотрел на Андрея, потом на девочек, задержался на Маше и повернул морду к Александре. Пасть приоткрылась; движения губ и щёк лишь приблизительно совпадали с человеческой речью, но голос прозвучал ясный, мужской и слишком торжественный:

— Уважаемая Александра Николаевна Воронцова. Поздравляю вас с днём рождения. Желаю вам крепкого здоровья, долголетия, благополучия и счастья в доме. Я готов служить вам, помогать в повседневных делах и беречь ваше здоровье.

Соня захлопала. Андрей тихо сказал: «Сработало». Маша смотрела не на кота, а на мать.

Александра провела пальцами по графитовой шерсти

между ушами: под ней ощущалось тепло — не совсем живое, но и не холод пластика.

— Спасибо, — сказала она. — Речь хорошая. Сам сочинил?

— Поздравление сформировано на основании стандартного протокола приветствия владельца.

— Значит, не сам.

На экране телефона высветилось: «STEPAN Home Companion S-4 готов к настройке».

Кот тем временем продолжал осматривать комнату, поворачивая уши к каждому голосу отдельно. Когда Соня хлопнула ладонью по ковру, Степаныч посмотрел на неё, но не подошёл; когда Александра негромко сказала «сюда», он сделал шаг именно к ней. Движения оставались чуть правильнее живых: лапа поднималась на одинаковую высоту, корпус не колебался, хвост удерживал равновесие с точностью прибора. И всё же, когда он остановился возле её коленей и поднял голову, Александра снова почувствовала под ладонью тёплую шерсть и на секунду забыла, что гладит устройство.

— Ему нравится, — сказала Соня.

— Он реагирует на прикосновение, — поправила Лера.

— Одно другому не мешает, — сказала Александра.

— Его вообще Степан зовут, — объяснила Маша. — Ну, модель так называется. S-4.

— Можно назвать Графит, — предложила Лера.

— Или Космос, — сказала Соня. — У него глаза космические.

Кот переводил взгляд с одной на другую.

Александра ещё раз провела ладонью по его голове.

— Степаныч.

— Бабушка, это старомодно.

— Он у меня жить будет, ему подходит.

— Новое имя владельца устройства не распознано, — сообщил кот.

— Твоё имя. — Александра коснулась пальцем его лба.

— Степаныч.

Кот выдержал короткую паузу.

— Обращение «Степаныч» сохранено.

На этом вопрос был решён.

Соня тут же опустилась на ковёр и позвала:

— Степаныч, дай лапу.

— Команда не входит в перечень приоритетных функций.

— Он не умеет, — обрадовалась Лера, словно нашла недостаток в сложной системе.

— Зато ты умеешь, — сказала Александра. — Покажи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.